810-92
59-6

Русская церковь

и другія статьи.

В. РОЗАНОВЪ.

Paris 1906.
Изданіе Д. Жуковскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
Русская церковь	1
О священствѣ. О древнихъ и новыхъ жертвахъ. Докладъ	32
Объ отлученіи отъ церкви гр. Л. Толстого. Докладъ	41
По поводу доклада о. іеромонаха Михаила о бракѣ на „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“ въ С.-Петербургѣ“. Докладъ	44
О нѣкоторыхъ подробностяхъ церковнаго воззрѣнія на бракъ. Докладъ на „Религіозно-философскихъ собраніяхъ въ С.-Петербургѣ“	60
Объ а-догматизмѣ христіанства	84
Христосъ какъ Судія міра	97
Выносъ кумировъ	106

Предисловіе.

Д. Е. Жуковскій, издатель „Вопросовъ жизни“ (въ Петербургѣ) и переводчикъ Куно Фишера и другихъ трудовъ по классической германской философіи, — любезно предлагалъ мнѣ издать за границей сборникъ такихъ статей моихъ, которыя не прошли вовсе или прошли со значительными сокращеніями въ русской печати по причинамъ, у насъ условно называемымъ „независящими“. Таковы были всѣ доклады по церковнымъ вопросамъ, прочитанные мною въ Петербургскихъ „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“ въ 1902 и 1903 гг. и напечатанные съ чрезвычайными сокращеніями въ „Новомъ Пути“ (С.-Петербургъ) за 1903 и 1904 гг. Въ настоящемъ изданіи они помѣщены полностью. Статьи же „Русская церковь“, „О священствѣ. О древнихъ и новыхъ жертвахъ“ и „Христосъ, какъ Судія міра“ (въ предлагаемомъ первоначальномъ очеркѣ) вовсе нигдѣ не были напечатаны. Изъ нихъ первая написана, по предложенію С. І. Мельника, для задуманнаго въ Германіи сборника русскихъ авторовъ о Россіи (на нѣмецкомъ языкѣ). Наконецъ, сюда я приложилъ касающуюся Франціи, а не Россіи статью: „Выносъ кумировъ“, которая подъ другимъ заглавіемъ, „Политика Комба“, была напечатана съ чрезвычайными сокращеніями цензуры въ „Новомъ Пути“ за 1903 г.

С.-Петербургъ, 4 марта 1905 г.

В. Розановъ.

Русская церковь.

Русскіе были крещены въ 988 г. при Кіевскомъ князѣ Св. Владимірѣ отъ греческаго духовенства. Хотя они приняли христіанство еще до формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей на Восточную и Западную; однако, такъ какъ связи у нихъ были только съ одною Византіею, то по скоромъ отдѣленіи Византіи, отъ Западной церкви, и русскіе были уведены изъ древняго общаго христіанскаго русла въ спеціальный потокъ византійскаго церковнаго движенія. Или, исторически точнѣе: русскіе вслѣдъ за Византіею вошли какъ бы въ тихій, недоступный волненіямъ и вмѣстѣ недоступный оживленію затонъ,[1] тогда какъ западно-европейскіе народы, увлеченные за кораблемъ Рима, вступили въ океанъ необозримаго движенія, опасностей, поэзіи, творчества и связаннаго со всѣмъ этимъ чернымъ трудомъ неблагообразія. Разница между тишиною и движеніемъ, между созерцательностью и работою, между страдальческимъ терпѣніемъ и активною борьбою со зломъ — вотъ что психологически и метафизически отдѣляетъ Православіе отъ Католичества и Протестантства; и, какъ религія есть душа націи, — отдѣляетъ и противополагаетъ Россію западнымъ народностямъ.

Слишкомъ понятно, что крестившіе насъ греки показались намъ столь-же необыкновенными по мудрости, учености, по древнимъ связямъ, почти по самому происхожденію, какъ туземцамъ Гванагани и Кубы показались спутники Колумба. Младенческій умъ русскихъ не отдѣлялъ или съ трудомъ отдѣлялъ существо вѣры отъ принесшихъ вѣру людей,

[1] Такъ въ Россіи называются глубокія и безопасныя заливныя мѣста въ большихъ рѣкахъ, куда на зиму становятся пароходы и другія суда, чтобы ихъ не разломало осеннимъ и весеннимъ льдомъ при вскрытіи рѣкъ.

Византійцы сразу же этимъ воспользовались, стараясь превратить младенческое поклоненіе въ обязательное и суровое повиновеніе грубаго и невѣжественнаго народа авторитету ихъ политической, церковной и всяческой мудрости. Долгое время русскіе, имѣя уже свое духовенство, свои школы, не смѣли поставить митрополита изъ русскихъ: ясный знакъ фетишизма, перенесеннаго съ религіи на племя, со строя церковнаго на строителей церковныхъ. Византійцы частный поводъ своей ссоры съ попами, именно —упреки Константинопольскаго патріарха Фотія попамъ за нѣкоторыя формальныя отступленія отъ „устава церковнаго“ (другой способъ печенія просфоръ, и т. п.), возвели въ принципъ, окружили нервностью, придали ему принципіальное значеніе и постарались всю эту мелочность поводовъ раздѣленія привить вновь крещенному народу, новому своему другу, помощнику и возможному въ будущемъ защитнику своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византія нашептала Россіи всѣ свои предсмертныя ярости и стоны; и завѣщала крѣпко ихъ хранить Россіи. Россія, у постели умирающаго, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла ихъ нѣжно къ дѣтскому своему сердцу и дала клятвы умирающему — смертельной ненависти и къ племенамъ западнымъ, болѣе счастливымъ по исторической своей судьбѣ, и къ самому принципу ихъ особаго существованія — корню жизни, акціи, дѣятельности. Наступилъ для всей Россіи отъ 988 г. до 1700 года, (реформы Петра Великаго) періодъ „Византійскаго строя“, „Византійскаго вліянія“, „Византійской уставности“.

Дитя — Россія приняла видъ смориченнаго старичка. Такъ какъ нарушенія „Устава“ попами было причиною отдѣленія Восточной церкви отъ Западной, или раздѣленія всего христіанства на двѣ половины, то Византія нашептала Россіи, что „уставъ“, „уставность“ —это-то и есть главное въ религіи, сущность вѣры, способъ спасенія души, путь на Небо. Дитя — Россія испуганно приняла эту непонятную, но святую для нея мысль; и совершила всѣ усилія, гигантскія, ге-

ронческія, до мученичества и самораспятія, чтобы отроческое существо свое вдавить въ формы старообразной муміи, завѣщавшей ей свои вздохи. Какъ „уподобиться“ Византіи, — въ этомъ состояло существо историческихъ заботъ Россіи въ теченіе болѣе чѣмъ полутысячелѣтія. И, въ концѣ концовъ, вѣдь форма вліяетъ на духъ: Россія чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже „умерщвлялась“ и духовно. „Умерщвляться“— это стало не только понятіемъ, идеаломъ древней Руси; но это гибельное явленіе такъ и называлось этимъ словомъ, не внушавшихъ никакихъ о себѣ сомнѣній, никакого передъ собою страха. Для русскихъ „близиться къ смерти“ и „близиться къ святости“ до того слилось въ единый путь, отождествилось, что даже теперь и даже образованные классы не вполнѣ свободны отъ этого понятія. Оно есть нравственная и метафизическая аксіома въ нашихъ монастыряхъ; до сихъ поръ имъ проникнуть и теперь весь нашъ народъ въ многомилліонной своей массѣ. Самые образованные люди, какъ Тургеневъ, какъ Герценъ, атеисты, нигилисты — въ серьезныя минуты жизни вдругъ видятъ въ себѣ возрожденною эту древнѣйшую, первоначальную вѣру своего народа: что умереть святѣе, нежели жить, что смерть угоднѣе Богу (для вѣрующихъ), Высшему Существу (для философовъ). Чему-то (для атеистовъ), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнѣнію пишущаго эти строки) мысль сообщила главный нравственный колоритъ всей восточной, русской Европѣ: чего-то меланхолическаго и погибшаго въ смыслѣ прогресса, чего-то страдающаго и страшно дорогого, чему никто не сумѣетъ помочь. И тѣмъ дороже это существо (Россія), и тѣмъ страшнѣе за нее. Матери въ деревняхъ, когда умираютъ ихъ дѣти на первомъ или второмъ году ихъ жизни, съ радостью говорятъ; „слава Богу, онъ еще не нагрѣшилъ“. Вы испуганы, стараетесь возразить, разсѣять „предразсудокъ“, какъ вамъ кажется, но слышите отвѣтъ красивой, здоровой, разумной женщины: „жить это только грѣшить, такъ и въ церковныхъ молитвахъ поется: не можетъ человѣкъ единой минуты прожить безъ грѣха. О чемъ-же

плакать? Мой младенецъ у Бога; и намъ съ вами (т. е. взрослымъ людямъ) не будетъ такъ хорошо тамъ" (т. е. на небѣ). Русскіе люди какъ въ молодомъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ возмужалости, когда силы жизни берутъ верхъ надъ смертными началами въ человѣкѣ, когда практическія нужды, служба, работа приковываютъ умъ къ реальной жизни — мало посѣщаютъ церковь, подсмѣиваются надъ церковью, надъ религіею, даже иногда отрицаютъ Бога. Но это — возрастъ, годы. Самое существо „вѣры русской" (такъ называютъ иногда Православіе; но „вѣра русская" очевидно шире этого церковнаго термина) — не молодо, не юно и даже не возмужало; и въ эти годы просто человѣкъ не находитъ себѣ соотвѣтственнаго въ храмахъ нашихъ, въ службахъ, въ напѣвахъ церковныхъ, въ смыслѣ словъ, тамъ слышимыхъ, въ церковной живописи. Все жизненное, живучее, крѣпкое землѣ, преданное труду, надѣющееся на людей и ихъ свойства человѣческія — не только стерто здѣсь, но вырвано съ корнями; и выброшена за порогъ церковный самая земля, на которой могли бы укрѣпить свои корни эти земныя произрастанія. Вся церковь, символически сказать, наполнена какъ-бы цвѣтами уже не земными, предполагаемо — небесными; какъ-бы сперва умершими и потомъ воскресшими для какого-то страннаго, не осязаемаго, призрачнаго существованія „тамъ" (на небѣ, за гробомъ). Вся религія русская — по ту сторону гроба. Можно сказать, Россія находитъ слишкомъ реальнымъ и грубымъ самую земную жизнь Спасителя; она слушаетъ полу-открытымъ ухомъ его поученія, притчи, завѣты. Все это она помнитъ, но умомъ на этомъ не останавливается. Но вотъ Спаситель близится ко кресту: Россія страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христосъ умеръ — Россія въ смятеніи. Для нея это — не исторія, а какъ-бы наличный сейчасъ фактъ. Она прошла со Христомъ всю невыразимую муку Голгоѳы. Но и это еще не все, не главная „сущность русской вѣры". Въ Евангеліяхъ мы читаемъ, какъ за земною жизнью Спасителя, уже въ краткихъ главахъ — повѣствуется о нѣсколькихъ

дняхъ его бытія послѣ смерти и погребенія. Онъ то является ученикамъ, то скрывается. Рѣчи болѣе кратки и болѣе таинственны. И эти рѣчи, и самыя явленія — все знаменуетъ собою что-то непрямое, какую-то загробную тайну. Вотъ „русская вѣра“ чрезвычайно напоминаетъ эти заключительныя главы Евангелія, блѣдныя, не реальныя, потусторонніе. И русскій человѣкъ не только глубоко постигъ тайную красоту смерти, и ползетъ къ этой странной и загадочной красотѣ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ съ величіемъ умирать, онъ самъ становится прекраснѣе въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ, въ испытаніяхъ. И особенно — прямо передъ гробомъ. Напримѣръ, у русскихъ существуетъ чрезвычайный страхъ умереть внезапно, скоропостижно, „безъ чистаго покаянія“, и, наконецъ, хотя отчасти не искупивъ грѣховъ своихъ тяжелыми муками предсмертнаго болѣнія. Точно вся жизнь кажется русскимъ черною, а съ приближеніемъ къ смерти все принимаетъ бѣлые цвѣта, принимаетъ сіяніе. Жизнь — это ночь; смерть — это разсвѣтъ; и наконецъ, вѣчный день — „тамъ“ (на небѣ, съ Отцомъ Небеснымъ). Итакъ, въ юности и мужествѣ русскіе не посѣщаютъ храмовъ, учащіеся — часто кощунствуютъ въ нихъ. Но вотъ эти самые кощунствовавшіе люди переходятъ за 50-лѣтній возрастъ. Приходятъ болѣзни, давно наступили семейныя тяготы. Богатство или потеряно (частый случай у непрактичныхъ русскихъ, у расточительныхъ русскихъ), или не пріобрѣтено — какъ разсчитывалось въ молодости. Дѣти уже поднялись и, заботясь о себѣ, мало думаютъ о родителяхъ. Семейная жизнь некрѣпка и некрасива у русскихъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Итакъ — богатства нѣтъ, слава — не нужна, дѣти — похолодѣли. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ, чувствуетъ себя одинокимъ, не нужнымъ, лишнимъ. Вдругъ, зайдя случайно въ храмъ, онъ находитъ все роднымъ себѣ, въ высшей степени понятнымъ, страшно нужнымъ. Храмъ точно и ожидалъ этихъ его 50-ти лѣтъ, и еще лучше — 60; ожидалъ его болѣзней, сгорбленности, бѣдности, покинутости родными и друзьями; храмъ принимаетъ его, какъ друга, какъ

родного, принимаетъ съ безконечною нѣжностью, заботою, всепрощеніемъ за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимныхъ, глубочайшихъ, метафизическихъ нитей оказываются общими у этого старца, всѣми покинутаго, и у этого храма, который такъ чтитъ родина и который вообще имѣетъ широкое признаніе и огромную историческую роль. Слабый старикъ, больной, „лишній“ вдругъ нашелъ здѣсь себѣ отечество, почти службу, почти рангъ, положеніе и даже награды. Всякій человѣкъ хочетъ себѣ опредѣленнаго положенія, теряется безъ положенія: здѣсь, въ православномъ русскомъ храмѣ, такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и соціальное ничтожество, оцѣниваются, какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе. Человѣкъ, вотъ уже къ 60 годамъ подходящій, радостно вступаетъ на эту послѣднюю, незыблемую, исторически признанную (въ Россіи) лѣстницу — и спѣшитъ по ней. Онъ забываетъ друзей, родныхъ для храма. Театръ, зрѣлище, все веселое, — отвратительно для него, „царство сатаны и дьявола“, „духовный антихристъ“. Онъ нашелъ Христа, — по ту сторону Его, Христова, воскресенія. Его манитъ блѣдный ликъ Господа, съ не опавшими смертными покровами, которыми Его увили Іосифъ Аримаѳейскій и Магдалина. Самъ онъ, этотъ немощный старичекъ, немощная старушка, заготовляютъ и для себя все смертное: въ особый узелокъ они укладываютъ чистое, особо сшитое, широкое бѣлье, въ которомъ завѣщаютъ положить себя въ гробъ, и деревянный кипарисный (никогда дорогой и металлическій) крестикъ, который, полагая въ гробъ, ему надѣнутъ на шею. Этотъ узелокъ со „смертнымъ“ русскіе, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, не забываютъ взять съ собою: на случай смерти въ дорогѣ — чтобы не произошло ошибки и не положили мертваго въ чужомъ бѣльѣ, а не въ этомъ, своими руками заготовленномъ. И это находитъ себѣ отзвукъ въ церкви. Вотъ человѣкъ умеръ. Женщины (непремѣнно женщины) омываютъ его (ибо женщиною рожденъ человѣкъ и ею же долженъ быть

омытъ и положенъ въ гробъ); надѣвается на него все смертное, изъ котораго исключено все богатое, всякое золото или шелкъ. Къ гробу зовутъ монашку, которая все время до погребенія, и особенно непрерывно всю ночь, читаетъ надъ нимъ псалмы Давида, любимѣйшую народную русскую книгу. Храмъ высылаетъ золотой парчевой покровъ на усопшаго: ту особенную, только одними священниками во время службы надѣваемую матерію, которая у насъ, на Востокѣ, такъ-же символична и священна, какъ красный или голубой виссонъ въ покровахъ на жертвенникѣ и въ одѣяніяхъ священниковъ при Ветхозавѣтномъ храмѣ. Этою священною тканью, въ сущности ризою, одѣвается въ гробу усопшій. Никто не говоритъ, нигдѣ не напечатано, что онъ — священникъ теперь. Но мысль наблюдателя открываетъ дальше, чѣмъ сколько смѣетъ сказать уставъ. Вокругъ усопшаго ставятъ зажженныя высокія восковыя свѣчи, вставленныя въ серебристые, высланные изъ храма подсвѣчники (особой формы: домашнихъ, своихъ подсвѣчниковъ, нельзя употребить). Три свѣчи зажигаются; и при чтеніи псалмовъ, среди этихъ зажженныхъ свѣчъ, особенно ночью, такъ и кажется, что вотъ воздвигся около усопшаго свой новый временный храмъ; городской общественный храмъ, подобно греческой метрополіи — выслалъ сюда въ частный домъ свою колонію. Кто-же главный въ немъ, кто дѣйствователь? гдѣ божество, или ангелъ, или безплотный духъ сего временнаго зажегшагося храма? — Гробъ; покойникъ... Они живы, они суть, они — дѣйствователи въ этой таинственной религіи шествованія къ смерти; они умерли — слѣдовательно, они какъ-бы „боги“ и во всякомъ случаѣ выше, священнѣе людей. Грекъ, язычникъ, всякій сторонній, словомъ, привыкшій къ многобожію человѣкъ, вовсе не знающій ничего о христіанствѣ и единобожіи, непремѣнно передалъ бы такъ свое впечатлѣніе: „у этого народа боговъ столько, сколько покойниковъ и сколько вообще есть умершихъ въ ихъ странѣ; покойники носятъ одежду, какъ священники и еще какъ иконы (тѣ-же характерныя металлическія ризы) и передъ

ними, какъ только передъ иконами, какъ-нибудь „молиться, читаютъ псалмы и поютъ молитвы.“ И это

данное самимъ русскимъ (ведь не всякій и себя

и ребятъ.

и гибнутъ въ землѣ, замерло, какъ бы замороженное

народа-дитяти. Быть тщедушенъ около гроба, нѣтъ плоти — надъ могилою. Быть народный, весь цвѣточный, весь листочки на немъ — обрывались съ отвратительнымъ скверно грѣшными монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затѣмъ, вдумчивыми у нихъ русскими монахами, и, наконецъ, священниками, которые хотя и не монахи по формѣ, но не могутъ получить сана своего иначе, какъ пройдя монашескую по духу и строю школу и принявъ монашеское по-

хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женаты въ Россіи, и Востокъ горячится даже передъ фактомъ, что не имѣетъ у себя „безбрачія“ и не отрицаетъ въ лицѣ духовенства, законнаго размноженія, однако, русское духовенство, и именно это самое зеленое, необыкновенно аскетически настроенное; и въ положительномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ голой формы отрицанія размноженія, оно гораздо менѣе зеленое, нежели католическое. Страшный духъ освобожденія, отри-

мемся, къ бѣлогвардейцамъ міра, сквозитъ въ какомъ-то русскомъ духѣ, какъ объ этомъ не забудь, не имѣетъ никакого понятія. Въ католичествѣ самобичевательность есть всегдашній первый. Тайна русскаго дѣтства составляетъ именно безпечность: играть, горе, напримѣръ, по ученіямъ, по родителямъ, по смерти друга. Есть безпросвѣтная слѣпость дѣтства, какъ и будущій грѣхъ на чьей-душѣ, но это — есть прямо грѣхъ, просвѣтъ и „падѣніе“ свѣтлаго. „Въ русскомъ свѣтлое никогда никого и не убиваетъ“; такъ — дѣтскій свѣтъ, дѣтскій міръ въ сторонѣ.

свѣсъ". Князь и гости смутились и прекратили бе-

своего упрека, какъ князь своего веселья около из-

народъ выкрикать бы „не надо", при видѣ перваго же насилія, первой грубости иноверцу, ино-

ностей; или, въ рѣдкихъ случаяхъ, это было

и вообще всѣ русскія секты не только упрекаютъ въ

леніемъ и ничѣмъ, какого на Западѣ не сумѣютъ представить себѣ. Вообще изъ исторіи сектантства нужно отмѣтить эту трогательную и пусть еще не востребованную черту, что 1. крикуны — раскольники, иереи православные; 2. безстрашны — гонимые, всего боятся, робки въ словѣ и дѣйствіяхъ — гонители; 3. всего надѣются, ко всему рвутся сектанты,

[illegible] Мирсовершенный.

вихъ она никогда у насъ не изображается въ этомъ

нее, легкое, все обнимающее и надъ всѣмъ

ошиб только на словахъ, перешли чрезъ Чудское
.ерево, выжили всякую кровинку изъ него, его соб-
Бога-Слова. Но вотъ, настолько воздушно и словесно
Божіей Матери, и русскіе государи коронуются въ
праздникъ. Здѣсь центръ событій — смерть, свѣтъ,
и очень часто храмы въ честь Покрова Богородицы;
между тѣмъ предметомъ его служитъ одно изъ чу-
погрузили чудотворную рѣку въ море; произошла
буря и разметала русскія суда. Но здѣсь съ великой
силой русское сердце обнаружило чудо. Чудо, т. е. сверхъ-
естественное, и слѣдовательно опять же отверженіе
земли, презираніе земного порядка вещей, обитое
съ величайшей глубиной русскимъ чувствомъ и рус-
скимъ воображеніемъ. Русскіе не боятся чуда. У нихъ
никакого нѣтъ страха передъ нимъ. Они умиляются
на чудо, ищутъ въ немъ какъ бы разрѣшенія на-
тягощавшихъ ихъ вопросовъ: единственное, чѣмъ они хотятъ по-
хвалиться, что считаютъ достойнымъ поклоненія. Ве-
личіе большинства философій, цѣль, выше религіозной

то нечеловѣческаго.

слова „любовь", что — „плотская любовь", „эстетическое

на рядѣ съ этой суровостью и сухостью, съ этой

упрекнуть Западную за „цѣлибатъ" и осудить ее за

и принятіемъ сана. Въ эти нѣсколько недѣль онъ

смотря по тому, кончитъ ли онъ въ семинаріи или въ духовной академіи, отъ одной до пяти тысячъ

[illegible] ,ИНЪ ,Е ,ДЯХЪ ИЗЪ ДУХОВЕНСТВА, А ВЪ ЦЕРКВИ И СЕ

[illegible] ковь русская выкинула вовсе любованіе Ад[illegible]

[illegible] Церковь вѣчно отрицается, а на

размноженіе, рядъ слугъ есть самца и самки для про-

[illegible] ставленій. Свѣтъ милосердія, радости религіозной, теплота своего угла, помощь родного крова - все это

[illegible] церковь (классовый) слово, все это недопустимое съ

[illegible]

[illegible] быть и даже хоть бы простую порядочность, —

право жить просить развода, быть слишком не только жестокайшихъ побоевъ мужа, но и допавшей на нее попытки его убить свою жену. Видно, что это не доходитъ скорбью до сердца первп. Это есть малый интересъ для нея, сравнительно съ Морсомъ

„плоть", „воплощеніе", — но и въ той другой и болѣе

и сухой по всему житейскому, всей жизни, всему

пути въ матеріи, въ жизни, въ человѣческія отношенія. Или, точнѣе, она пропускаетъ сюда свѣтъ такъ преломленный, что онъ разрушаетъ, а не пре-

вое неизвѣстенъ Православіе, иначе какъ на словахъ, въ словесныхъ фетишахъ.

ивс. „Церковь — не отъ міра сего", — учила о себѣ

растерялись чего, да и вели себя около святыни не

или ничего не думает, или думает, что там

классовъ; простой-же народъ и вообще не размышляющіе взираютъ съ умиленіемъ на позолоченные ящики, въ которыхъ несутъ эти святыни, и запачистаго золота и усыпанныхъ камнями. Вотъ что такое измѣненная русская обрядность и уставность. Подъ нею, въ основѣ ея - стража, опека. Самое удобное орудіе и методъ опеки — привычные чиновпрокуроромъ и сносится только съ нимъ. — Такъ этого списока или перевозить на худшее мѣсто

нахъ и „отрекся отъ всего земного", ему богатства и

по обѣту. Но умалчивается, что вѣдь свѣтская-же власть и разложила въ этомъ монахѣ, какъ и во всемъ

апостоловъ власти, почестей и богатства. Теперь это выводится изъ обыкновенія, но было всѣ вѣка обычаемъ, что духовенство бѣлое не иначе встрѣчало

какъ стоя рядами на колѣняхъ. И когда онъ подходилъ, благословлялъ ихъ и говорилъ самыя трогательныя слова привѣта изъ Ап. Павла, — они въ рабскомъ страхѣ клали сѣдыя головы свои на каменный помостъ церкви, — какъ еврейскіе рабы передъ

Такъ, еще въ 1888 году, я видѣлъ именно эту картину. Меня изъ духовенствомъ города Ельца. И этотъ

но еще болѣе тронула, встрѣтившаяся этотъ „ангелъ" съ обѣръ-прокуроромъ и даже его товарищемъ: уста-

тарѣ мѣстной конспираціи:

— Этотъ ангелъ не пьетъ?

— Этотъ ангелъ не посѣщаетъ тайно какой-нибудь женщины?

— Взятокъ не очень много беретъ, можетъ быть, совсѣмъ не беретъ?

И сказали:

— Не беретъ взятокъ.

— Съ нами милостивъ.

русскій орденъ), которую „ангелъ" носитъ съ не-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

когда оно выдавало себя за таковое и очень долго

На него почти съ грустью и съ завистью, какъ на

могъ-бы подчиниться нашъ, что онъ — другой міръ.

тельнѣе, чѣмъ нашъ уже искусственное и условное образованіе наше. То-же можно приложить къ

нашъ Толстой учится равному 1. у русскаго мужика, 2. у Шопенгауэра, 3. у Мопассана, и все это — естественное и живое дерево, и Мопассанъ, и Шопен-

на „два существа“: 1. я его, которое скрыто, и мы вовсе не знаемъ, что-же именно, въ концѣ концовъ, оно думаетъ и знаетъ, и 2. санъ его, который очень

но все это ... уже не живое, не настоящее в немъ; все это — одѣяніе, повѣшенное на манекенъ, имѣющій скрытый, но однако онъ и этому только и не радуется тѣ поръ, что ихъ все же держитъ собою этотъ манекенъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что вольнолюбивая и страдательная мысль человѣческая и сердце человѣческое давно переросли условную и искусственную православную богословію и богословов. Религіозное мышленіе, въ предѣлахъ схемы христіанской, уже представляетъ собою высохшую мумію въ драгоцѣнномъ саркофагѣ, о которой никто не замѣчаетъ, какъ моментъ, когда-то именно она переставала жить и дышать. Всегда она была та же; всегда старалась измѣнить свои черты; всегда считала свой „истинно“. И никто не замѣтилъ времени, когда она „истина“ съ неподвижными чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною.

Въ обществахъ европейскихъ еще настолько остается такъ называемыя „христіанскія чувства“: какъ въ домѣ, гдѣ жилъ человѣкъ, еще долго остается „духъ его“, строй его мыслей и чувствъ, и даже заведеніе имъ „порядки“. Но это уже не живой организмъ, хотя бы даже въ степени „организма

перестоя цивилизаціи долѣе всего въ видѣ страсти

дышать практическихъ и этическихъ „максимъ“

людей и особенно въ отдѣльные моменты ихъ жизни — слова. Но это вовсе не то, что основа и фундаментъ

великій народъ и ни одна великая эпоха.“

безконечно .мудреннаго зданія, какъ въ его
ственно-ритмическихъ элементахъ, такъ и особенно въ

нѣсни — онѣ могучими своими и тонами своими, и
содержаніемъ своимъ говорятъ не менѣе, чѣмъ ли-

въ сердцѣ человѣка, они разнообразны, какъ сама
жизнь? и въ этомъ отношеніи они выше литургіи,

человѣку на скорбь этого часа, на радость этого дня,
ихъ метафизика?

или другое, слушаетъ проповѣдниковъ, то потому

и что такое самое рожденіе? Что такое человѣкъ
послѣ смерти и что есть сама смерть? Что такое
грѣхъ, съ чего начинать его, съ какого „А"? Овсемъ

Адамъ палъ потому, что не послушался Бога.

именно существо божественное, „сынъ Божій".

друга, любь нашу, злостность нашу, войны наши,

ніи бы понести весь народъ, цѣлое человѣчество,
если смерть Спасителя имѣла отношеніе ко

которой раздался-бы на этотъ вопросъ въ
ь, покажется, до него эмпирическій человѣче-
оставшись после себя маленькой планетой съ знакомъ,
молилъ за Содомъ и Гоморру Авраамъ Бога: „если
Ты казнишь его? Если недосчитаетъ до 20, до 30, и
наконецъ, только до 10". — „Если найду въ Содомѣ

не видать мiръ, въ Евангелiи, т. е. въ Палестинѣ

поцалуемъ! Хотя и остальное его ученiе все-же не

началось отъ достойнаго Ездры.

Такимъ образомъ смутна для насъ не только надежда, что мы „искуплены отъ грѣха, проклятiя и смерти"; но и какая-либо увѣренность, что повсюдная вѣтошь, и что даже въ вѣрѣ всего дѣла лежитъ... полнота любви и милости. Небесенъ-ли Отецъ къ намъ, Спасенъ-ли Его къ человѣчеству.

стiанства и сильно-ли только Iисуса, какъ

терпимости! Слишкомъ малые знаки, что „Мессiя уже пришелъ". А воины? Крестоносцы? За испанское наслѣдство? За австрiйское наслѣдство? Слишкомъ малые знаки, чтобы „овца уже лежала около тигра", а между тѣмъ именно по этому предсказанiю

придетъ такой, что это принесетъ: то смотрите—то будетъ Мессiя". Мы смотримъ—и не узнаемъ... „Да и

„Огонь пришелъ низвести Я на землю: и какъ желалъ-бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!

„Крещенiемъ долженъ я креститься: и какъ Я томлюсь, пока сie совершится!

„Думаете-ли вы, что Я пришелъ дать миръ Землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ: но разлученiе.

„Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ.

„Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца: мать противъ дочери и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки своей и невѣстка противъ свекрови своей". (Лука, XII, 49—53).

чтобы онъ неповинились?!"

„ВЗЫЩЕ ЕВРЕЙ"; НО ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ ТОГО ВРЕМЕНИ И ДО НА-

СВОИХЪ ВЪ СЕДЬМЫЙ ДЕНЬ" И „ШУСТЬ НИКАКОГО

евангелистовъ-разсказчиковъ.

Іисусъ человѣкомъ не былъ.
Но былъ ли Онъ Мессія?
И кто-же онъ, наконецъ?

поваки ихъ.

О священствѣ,
о древнихъ и новыхъ жертвахъ.

„Докладъ, прочитанный на 2-мъ Религіозно-Философскомъ собраніи въ С.-Петербургѣ, въ отвѣтъ на пренія, возбужденныя докладомъ В. А. Тернавцева: „Русская церковь передъ великою за, ачею".[1]

Споры наши, имѣя темою расхожденіе церкви и общества, спустились въ очень невысокую сферу:

[illegible]

[illegible] слышали еще ни одного укора, тогда какъ сами [illegible] вали нѣсколько. Ходъ дебатовъ невольно при-

[illegible]лъ духовенство не дѣлало, и опять-же тысячу

[illegible] дѣлали и заставить спуститься ниже, глубже. На

[illegible]

[illegible]

[illegible]

моікъ отъ Ирпинеевъ до Вятки.

и умеръ его умъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

сердцѣ своемъ.

„бого - вдохновепа“.

факть?

хожденія?

молитвы, пѣнія, музыки сердечной.

Тутъ не ясно:

словіе.

Объ отлученіи отъ церкви гр. Л. Толстого.

Распоряженіе Св. Синода и отвѣтъ гр. Толстого

ковъ лишняго и живого, свободнаго существа. А

скость, мірской характеръ.

шими.

жить и не поражаетъ.

По поводу доклада О. Михаила о бракѣ.

предбрачнаго".

есть, состоялся, осуществился.

царства небеснаго?

[1] *Отца диаконъ:* „Исполнися таинство. Таинство брака"

Вторник. „Мелкие [illegible] Вторник. [illegible] Вторник. [illegible] Вторник.

супружествѣ не содержится.

«Любви въ немъ нѣтъ и она не требуется.

* Какъ и отъ Михаиль, о а — мягкіе (не старые) профессоръ (изъ „Дуэлянтовъ

(или жена) должны „смириться“.

фициальныхъ богословскихъ наукъ, могу
объ этомъ умолчать. Печатать
ряхъ употребленіи безъ опас
напр. „Апостольскія прави
св. Отцевъ
по апостольски. Или „Апостольскія постановленія" (какое ли имя!) — просто при

шрифту и печатать. Не достаточно было императору Николаю показать, напр., „Апостольскія постановленія", чтобы онъ, поражённый тяжеловѣсностью книги почти 6-вѣковой!) — смутился и далъ падать дорогое свое рвеніе.

къ браку, какъ у насъ.

Библія есть книга боговдохновенная.

и даже не справляясь съ Библіей.

христіанскихъ дѣтей.

нужно составить новый докладъ.

преступленіе;

2. любовь есть, но бракъ осужденъ:

Въ прорубь? Въ воспитательный домъ?

на землю. Отцы! священники! святые!..“

Не любят-ли они? Ответить: „Любите“.— Несчастны?

когда назвать «своими детьми».

она не въ кіотѣ. Что-же это за зверь? подумалъ что

святы, соките — свято же; все — нерасторжимо.

была бы действительно грязна.

ной съ нимъ противоположности!!!

(черезъ вѣчаніе) черной вещи въ бѣлую.

жество, а не „таинство" и не „законъ".

Но дѣйствуетъ-ли, хотя-бы просто [illegible] сила добро-желательности, „сочетавающее" или „соловеніе" пре-

ИЗЪ ЛЕГКОМЫСЛЕННАГО ВЪ СЕРДЦО-УМНИТЕЛЬНОЕ.

въ Бовъ-Королевичъ.

конечно, алгебръ.

ему непосредственно данная.

которыя томятъ меня:

О нѣкоторыхъ подробностяхъ церковнаго возврѣнія на бракъ.

[illegible]

денію.

[illegible]

зоряго спектра?

[illegible]

сеяній, какъ и въ небогатословенномъ.

ковь безмолвно, неслышно, исподтомь.

обращаться,

этого невниманія никто не замѣчаетъ, до чего

чистой силы".

строй сущей церкви цѣлостень.

чаніе, а такое вѣчаніе совершить въ нашей церкви."

не постигая, отказываясь вдуматься.

зоду.

цитированная книга).

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

грустныхъ-грустныхъ словахъ.

серце надавилъ“!

ее за работу до смерти.

СЪ НИМЪ ИЗЪ КНИГИ ЖИВОТА".

и оставь насъ съ бѣдностью нашею".

единичному паденію яблока на землю.

духовнымъ лицамъ.

этой семьи.

любящими.

ответить бы in pleno.

день въ жизни земной и небесной."

ли мы спасаемся? Холодностью ли сердца спи-

ли человѣка, да еще невиннаго, пусть и грѣшнаго,

погруженный въ думы надъ тарелкою супа, пусть онъ, оставивъ субъективныя мечтанія, отзывается на дѣйствительность, не на жизнь души, какой нельзя, а на жизнь другихъ людей, и повѣдаетъ намъ вторично здѣсь о такъ называемомъ „духѣ

одинъ Новаго-Швейковскій, — докатились до черты

на чертѣ его: „не могу переступить ее! жить сейчасъ! страшно, холодно!!"

Дверь открыта. Пусть выходитъ на каѳедру и обсуждаетъ эту тему другіе, не выпускаетъ изъ виду, что, вѣдь, религія — универсель, что она — абсолютъ, и что если въ мірѣ хотя есть одинъ случай,

ній, то, значитъ, вѣрить этотъ вообще не универсаленъ и не абсолютенъ, т. е. что онъ просто не религіозенъ; или, возводя къ философскимъ понятіямъ, феноменаленъ, а не ноуменаленъ; не боже-

только въ маленькихъ кусочкахъ эпидерміи, а потому оно оказалось развитымъ во всемъ мірѣ. Мало мало, но его хватитъ на земное плотское торжество. Истина не допускаетъ въ себѣ исключеній, и вотъ

Объ а-догматизмѣ христіанства.

[illegible] а я думаю и меньше, хуже.

[illegible]

умерь „во грѣхахъ“ Адамъ христіанства.

отмыть ибѣто каменное, твердое. И ни одного

Скобичевскому.

терпѣлъ напвность, и серьезность, прежде чѣмъ ни у

и черезъ Евангеліе переселяютъ, и на всякаго здо-

ешь станетъ серьезенъ, нѣтъ предмета для шутки;

словенъ Грѣдый во имя Господне".

шись — срубы, не понимая, что либо не въ срезъ и

геометріи, что въ теоремѣ то его и убѣждаетъ, а за-

тели по головѣ. Бываютъ всякіе несносные люди, даже изъ самыхъ умныхъ.

скажемъ словомъ Іоанна Дамаскина.

подъишь ихъ сыновьямъ и осталось только то,

стории. Легла овца около тигра, „обнялись“... Да —

не немедленное, не сей час отчаяние. А то

Христосъ, князь Сущаго міра.

[1] Князь Волконскій въ одномъ изъ письмомъ „Религіозно-философскихъ собраній" изъ С.-Петербурга просилъ меня сказать о положительности утвержденія: „Христосъ и воскресъ!" о вѣрности понятія Церкви и понятія Откровенія. Но отказъ мой сообщить ему опубликованное по этому поводу, по выходѣ книги и между нами сердечно длившейся, Д. С. Мережковскаго не долженъ имѣть характера обиды. Я просто не могу [illegible] что, конечно, „Христосъ и воскресъ" есть основное и [illegible] Сердце мое сейчасъ же запомнило [illegible] при мысли, что [illegible] убѣжденіе у [illegible] о чемъ, которое [illegible] фактической [illegible] замутненъ. [illegible] существуетъ, и [illegible] христіанство", что если въ немъ заключается [illegible] вѣры, то [illegible] отношеніе не къ тому же [illegible], на которомъ [illegible] основу [illegible] съ нимъ [illegible] съ [illegible], другому. Такъ что [illegible] опущенное [illegible] и [illegible] имѣть [illegible]

„[illegible]" [illegible]

[illegible]

[illegible] сверхъ, [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [

ковь и Мироволюбовь, — думать этого нельзя. А передъ пропѣднимъ, которое уже потекло въ Крови несвободы, — и преступно.

гнилъ. Онъ сказалъ не о Христѣ, а именно о пропа-

запомнилъ точно. А въ концѣ рѣчи упомянулъ о

и умъ, кажется, замѣчательнаго человѣка, не з

въ Римѣ, разъ за часомъ пропѣвецъ у насъ краткая

рѣшься отъ этого ученія, чтобы дѣти эти, въ боль-

вопросомъ о бракѣ, все это ученіе для него есть по-
бочное, но горячее. „Такъ чего-же вы хотите, В. В.,"

жили люди какъ хотятъ? когда хотятъ — развѣ-
лись, когда хотятъ сходились?" ...А, однако, дѣ-
тоубійство?" возразилъ я. Лицо его вдругъ сдѣла-
лось немного хитрымъ и, какъ бы желая пѣвцу въ моло-
душку, будя въ немъ внутреннее согласіе, ждя это со-
гласіе, онъ сказалъ: „А самый-то разъ легко дѣтей?"
Я былъ пораженъ и, кажется, замолчалъ. Для меня

убійству, ни отвращенія, ни страха.

они всегда преслѣдовали.

трубить — и не увидятъ, будутъ слышать — и не

Написано по-русски.

* В М. Сатировой, заподозрѣнной вмѣстѣ съ тремя студентами-юристами Ст. Смоленск. университета въ сношеніяхъ съ членами „Земли и воли", по существу всѣхъ отвергшей и признавшей за собою только „Малороссійскій патріотизмъ".

лось безъ Промысла о себѣ, что и не надо было от-

трогаться, а что все послѣ Іисуса можно оставаться въ томъ самомъ видѣ какъ до Іисуса, и достаточно

каніевъ, то почему немножко и не имѣть секта-

Можно и знать. Гернавцеву дѣтей не знать. Въ чего же, напр., я буду звать наклонныхъ секта-

что они немножко преступаютъ, дабы изъ холоднаго и легкомысленнаго сердца христіанъ не исчезала память, что эти маленькіе догорающіе огарки суть остатки когда-то очень высокихъ свѣчей. Въ человѣчествѣ должна быть солидарность. Въ человѣче-

кое-кого внутри себя, только не прерывать абсо-

кого вѣ родѣ наши связки, и страданіе должно

не придетъ день, часъ, и „Іисо, которое „шетъ отмѣчательное объ этомъ объясненіе. Если бы мечта

рабахъ.

— пусть и побѣждаетъ. Но кто не можетъ — пусть

словомъ больныхъ. Мы этого не можемъ, хотя это

Вилюйскому. Но вѣдь ему живодовъ не жаль. А жи-

и они возвышали имъ у себя алтарь (deo ignoto). Такъ то были дошлые, дрянь. А мы обернуты въ

золото и сѣемъ на весь міръ. Если отъ нихъ не-

раиѣе. Нѣтъ, кашими крови точнѣе Христосъ. И
какими - окрестъ Его. Вотъ какого-то крови Хри-

сто произвелъ на меня прямо безкрасное впечатлѣ-
ніе, неэстетическое: какое-то сплошное по сосѣдамъ

ПАМЪ, срединнымъ.

Языческое „суеверие".

„Не сотвори себѣ кумира."
Второзаконіе.

Изъ того, что священникъ католическаго не можетъ

и въ такомъ-нибудь шутовствѣ. Ее какъ „мессу"

лишенъ ни въ 3,1 Іюномъ мірѣ, ни въ загробномъ". Это — послѣдовательность. Католическая

изъ „I mei prisoni" (Сильвіо Пеллико). . . Такимъ-то

ными гарднеловъ.

говоръ о немъ.

Рину и, закупивъ что нужно на цѣлый годъ, возвращается

ственный разъ въ годъ.

я спросить:

— Ну, однако, там есть исправник?

безъ начальства".

— Плохо?

со своимъ духовнымъ отцомъ.

Руно:

стоитъ ли вѣчный судъ."

не обманемся на васъ за ваши слова: это Latine Pri-

наконецъ, изгнаніе ихъ изъ Франціи, о чемъ такъ

въ протестантскихъ странахъ лишь поворачиваются спиной другъ на друга. Что за явленіе? гдѣ оно

отношеніяхъ, но они почти всюду не видятъ.

сердцахъ такой отвѣтъ имѣ.

„Свобода... Вы ее тѣснили 1800 лѣтъ, и хотите

васъ, не надѣясь отъ васъ ни на завтра, ни на

изъ населенія милліоны, и изъ нихъ отсѣянныхъ

Можемъ нанять своихъ, не худо уважающихъ, но

ковыми руководится ваши сестры."

И конгрегаціи уходятъ. Съ яростью, съ неописуемымъ гнѣвомъ, но уходятъ. Можно сказать, у нихъ

комъ маленькій величины, и срывается. Какъ и у

[illegible] Не [illegible] „Бер-
[illegible] [illegible] [illegible]
ВСО.

* *

[illegible] [illegible] [illegible] [

И ОТОДВИГАЕМЪ ЭКРАНЪ, ВАСЪ."

лось темно.

священному.

прямой этотъ вопросъ всѣ скажутъ — „да“! Но вотъ,

человѣчество — ни одного“.

В Ъ „КОМЕДІИ ОШИБОКЪ".

выръзки:

г. Нв-скаго).

сердились такъ сильно, какъ папа въ слѣдующемъ оффиціальномъ документѣ:

„На-дняхъ „Messager de Bruxelles“ сообщилъ, что Леонъ Таксиль отлученъ папой отъ церкви. Текстъ этого отлученія сохранилъ средневѣковый характеръ.

„Во имя всемогущаго Бога-Отца, Сына и Святого Духа, Священнаго Писанія, святой и безпорочной Дѣвы Маріи, Матери Бога, во имя всѣхъ славныхъ добродѣтелью ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, могуществъ, херувимовъ, серафимовъ, во имя патріарховъ, пророковъ, евангелистовъ, святыхъ преподобныхъ, мученниковъ и исповѣдниковъ, и всѣхъ прочихъ спасенныхъ Господомъ, Мы провозглашаемъ, что отлучаемъ отъ церкви и анаѳематствуемъ того злодѣя, который именуется Леономъ Таксиль, и изгоняемъ его отъ дверей Святой Божьей церкви.

„И Богъ-Отецъ, который сотворилъ міръ, его проклинаетъ; и Богъ-Сынъ, который пострадалъ за людей, его проклинаетъ; и Святой Духъ, который возродилъ людей крещеніемъ, его проклинаетъ; и святая вѣра, которою искупилъ насъ Христосъ, его проклинаетъ. И Святая Дѣва, Матерь Божія, его проклинаетъ. И святой Михаилъ, ходатай душъ, его проклинаетъ. И небо, и земля, и все, что на нихъ заключается святого, его проклинаетъ. Да будетъ онъ проклятъ всюду, гдѣ бы онъ ни находился; въ домѣ, въ полѣ, на большой дорогѣ, на лѣстницѣ, въ пустынѣ и даже на порогѣ церкви.

„Да будетъ проклятъ онъ въ жизни и въ часъ смерти. Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ дѣлахъ его, когда онъ пьетъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ алкаетъ и жаждетъ, когда онъ постится, когда онъ спитъ, или когда онъ бодрствуетъ, когда гуляетъ, или когда отдыхаетъ, когда онъ сидитъ или лежитъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ раненый, когда истекаетъ кровью.“

„Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ частяхъ своего тѣла, внутреннихъ и внѣшнихъ.“

„Да будетъ проклятъ волосъ его и мозгъ его, мозжечекъ его, виски его, лобъ его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, носъ его, кисти рукъ и руки

его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудокъ его, внутренность его, поясница его, пахъ его, бедра его, колѣни его, ноги его, ногти его.“

„Да будетъ онъ проклятъ во всѣхъ суставахъ членовъ его. Чтобы болѣзни грызли его отъ макушки головы до подошвы ногъ.“

„Чтобы Христосъ, Сынъ Бога живого, проклялъ его всѣмъ своимъ могуществомъ и величіемъ. И чтобы небо и всѣ живыя силы обратились на него, чтобы проклинать до тѣхъ поръ, пока не дастъ онъ намъ открытаго покаянія. Аминь. Да будетъ такъ, да будетъ такъ. Аминь.“

Замѣтьте, что это формула древняя, т. е., тоже въ своемъ родѣ привычная, какъ и „праздничный разгулъ“ въ нашихъ деревняхъ: и ее также не пришло бы на умъ проф. Бѣляеву внести въ рубрику „особенно ясныхъ свидѣтельствъ близящагося царства Антихриста“, да и если онъ будетъ издавать вторымъ изданіемъ свою книгу, или напишетъ къ ней второй томъ, онъ не послѣдуетъ моему указанію и не занесетъ ее въ „признаки“. Т. е., это ему не представляется, какъ и шутки мужиковъ нашихъ, антибожественнымъ.[1] Съ этой точки зрѣнія вся его книга можетъ быть принята какъ-то „наоборотъ“. Ему не кажется анти-божественнымъ то, что явно антибожественно; а рабочимъ въ Вестфаліи, да можетъ быть и французамъ, „потребовавшимъ удаленія конгрегацій“, можетъ быть давно уже кажется „антибожественнымъ“ то, что проф. Бѣляеву кажется такъ просто, обыкновенно и „простительно“. Невозможно не замѣтить, что начало „какъ-бы свѣто-преставленія“ относится всѣми духовными къ моменту выпада власти изъ ихъ рукъ, къ паденію авторитета ихъ; въ послѣднемъ анализѣ — сведеніе ихъ къ простотѣ и ясности „раба Божія Моисея, кротчайшаго изъ людей“, „странниковъ Петра и Павла“, „первосвященника Са-

[1] Какъ для насъ „Христосъ“ есть Богъ и даже весь Богъ (при крайне ослабленномъ, только нумераціонномъ, представленіи Отца и Св. Духа): то, очевидно, терминъ Анти-Христъ есть Внѣ-Богъ, Безъ-Бога; а „знаки Антихристова царства“, „Антихристова пришествія“ суть знаки или проявленія особенно специфическаго и яркаго вн*ѣ*-божескаго порядка, б*е*зъ-божнаго духа. Но ни проклятія папы, ни пьянство и дебошъ Руси богословами не обозначатся какъ что-то характерно „вн*ѣ*-божеское“.

дока“, которые служили, всѣ служили, по Единому Богу (тогда еще Единому), и служили плечо съ плечомъ съ человѣками, не получая поклоненія себѣ отъ нихъ. Но я вернусь къ вестфальскимъ рабочимъ, да и къ болѣе общей судьбѣ Франціи. Что же осталось имъ, что же останется? Пройдутъ десятилѣтія, можетъ быть, два-три вѣка дѣйствительной пустынности или малорослости души; въ родѣ новаго Moyen Age, Mittel-Alter: но — не вѣчнаго, отнюдь не окончательнаго. Отростутъ ростки души, спеціально доселѣ и уже давно, тысячу лѣтъ атрофированные. Описываютъ зоологи, что въ пещерныхъ озерахъ, вѣчно темныхъ, у рыбы есть глаза, но они не видятъ. У европейскаго человѣчества, у души европейской есть почти несомнѣнно множество такихъ же еще „закрытыхъ“ способностей, зачаточныхъ или подавленныхъ силъ, главнымъ образомъ — въ отношеніи къ природѣ, но также — и Бога: которымъ проснуться возможно и которыя проснутся. Рыбы, вынесенныя изъ такого вѣчно темнаго озера, индивидуально, можетъ быть, и умрутъ не зрячими; но въ дальнѣйшихъ генераціяхъ зачаточный глазъ — увидитъ. „Мы не вѣруемъ въ Бога и не желаемъ ничего знать о Немъ“, этотъ отвѣтъ вестфальца есть только за себя отвѣтъ; ну — за своего сына, наконецъ — внука; но не за внука этого внука. Шевельнутся ростки души, теперь совершенно невидные. Кто знаетъ, какъ будетъ внукъ его внука смотрѣть на зеленѣющее дерево? Мнѣ пришлось прочесть объ „безбожной Франціи“ извѣстіе, которое тронуло меня въ Петербургѣ, потому что здѣсь оно невозможно; самые бѣдные парижане, вотъ такого же достатка, какъ и вестфалецъ-рабочій, цѣлою семьею (всегда семьею) выбираются загородъ, отъѣзжаютъ нѣсколько станцій по желѣзной дорогѣ, и, забравшись въ лѣсъ или расположившись на лугу, имѣя привезенную съ собою провизію, проводятъ цѣлый день среди зелени. Это — характерно. Извѣстно, до какой степени оголены отъ растительности наши несчастныя великорусскія деревни и села. Сказать, что у крестьянъ нѣтъ ни времени, ни силъ посадить дерево — невоз-

МДС-11554

можно уже отъ того, что находятъ же они время посадить старика въ опару. Но чувства природы и зелени совершенно нѣтъ у него, и это я не могу не связывать чуть ли не съ „природнымъ“ его алкоголизмомъ, какъ и съ „разгуломъ 200 мужиковъ“ до такой степени удали, что одинъ парень показалъ себя голымъ дѣвицамъ. Природа трезва, чиста и деликатна; а вмѣстѣ — она и возбудительна, живительна. Посадить дерево, раскинуться семьею на лугу — это все равно, какъ потянуть вина изъ тонкаго горлышка древняго сосуда, но вина благороднаго, не отравляющаго. Алкоголизмъ и отсутствіе зелени въ нашихъ селахъ я считаю застарѣлыми „знаменіями пришествія Антихристова“; ибо это явно анти-божественно; да и дикій видъ деревни, описанной выше, являетъ полное забвеніе Бога, хотя бы они и „клялись Богомъ“ пьяными устами. Въ вестфальской деревнѣ — тишина; у насъ — гамъ. Что зрѣетъ въ тиши, что готовится въ гамѣ — никто этого не знаетъ. Но вѣрится и даже вѣруется, что тамъ въ тишинѣ, въ благообразіи вызрѣетъ, ну, пусть черезъ вѣка — но однако вызрѣетъ слово, понятіе, образъ „Богъ“; вызрѣетъ и молитва къ Нему, ну — пусть новая, необычайная. Что-нибудь въ родѣ лепета первыхъ латиновъ о Dii Lares. А около квашни, съ посаженнымъ въ нее старикомъ, какъ и около исключительнаго гнѣва папы, все будетъ ломаться, меньшиться, опадать, до совершенной пустыни, до непереносимаго голода.